

Глава 9. Эльфы.

Через час дядя подошёл ко мне, чтобы дать последние напутствия перед путешествием к эльфам.

- Вот что, милый, - сказал он мне, - эльфы - существа наиковарнейшие. А так как ты нашёл себе шляпу, то оставь её мне. Я не спущу с неё глаз. И если на ней выступит твоя кровь, я буду знать, что с тобой случилась беда. Тогда я приду к тебе на помощь!

Не стоило верить дяде, но да и возразить ему было как будто нечем. Хочет смотреть на мою шляпу часами - пусть. Я незаметно вздохнул: а что если дядя действительно стал на путь выздоровления. Тогда я просто обязан был его поддержать!

Только вот беда - я никогда не носил шапку. Конечно, кое-какой одеждой я старался прикрыть свои голые косточки. Но когда я что-нибудь натягивал на темя, я выглядел так ужасно, что не мог смотреть на себя в зеркало. Череп в лыжной шапочке, цилиндре или панаме, конечно, украсить меня не мог. Поэтому я старался сам себе никогда в шапочках даже не сниться. Да и без шапочки тоже. И если посреди ночи во сне на меня вдруг начинали смотреть как на чужого мои же пустые мертвые глазницы, я тут же заставлял себя проснуться.

Поэтому вместо чёрной траурной шляпы я натянул на голову ведро. В нём и бродил целый час по долине, громко стелая, как советовал дядя: "О, Груша, моя Груша! Куда ты удалилась во цвете лет!" Ведро я отдал дяде. Пусть на него любит.

Однако я успел проворчать:

- Представляю, какой у меня был препотешный видок! Вы превратили меня в безвольную тряпку! Делаю то, что вам в голову взбрёт.

Я хотел походя устыдить своего дядю, но он вполне резонно ответил мне:

- А ты не будь тряпкой!

Что ж, он, пожалуй, прав. Извлеку урок из его слов и впредь тряпкой становиться не буду. Я понял эти его слова так - мол, буду тебя ломать, а ты не ломайся, буду ноги о тебя вытирать, а ты не давайся...

Я отправился в дорогу. Лепетайло помахал мне на прощание лапой. А дядя провожал взглядом.

Кто такие эльфы, я понятия не имел. Они жили тайной, скрытой от нас жизнью, никогда не показываясь нам на глаза. Обычно они сидели за горой, которая называлась Шкаф, и лишь изредка подавали свой голос.

Однако, наверное, они имели какое-то подслушивающее устройство, потому что были в курсе всех наших дел. Время от времени они то хохотали над нами со шкафа, то начинали рыдать, то обзывать, а то и комментировать наши разговоры.

Спишь, например, и вдруг рёв из-за Шкафа. Тогда невольно и, разумеется, неохотно поднимаешься с постели, подбегаешь к обрыву и кричишь, что есть мочи:

- Ей вы, психи! Заткнётесь или нет?

А они отвечают тоненькими звенящими голосами:

- У нас траур.

- С какой это стати? Помер ваш вождь?

А они:

- Да нет! Что вы, что вы! Если бы помер, мы бы так не плакали! Выбрали бы себе нового - всего-то дел! Сказали бы только: этот, старый, своё уже откусал и в волюшку покомандовал нами. Царство ему Небесное! Наша извечная проблема в другом: сегодня к ночи мы вдруг вспомнили, что век мяса не едали. Как же нам не плакать, не отчаиваться, если вы имели на ужин кусочек мяса, а до нас донесся только его замечательный запах?

Вот я и спрашивал сам себя: какие они, эльфы, если любят мясо больше всего на свете? И даже больше своего вождя?

Дядя наверняка знал о них. Но, во-первых, он не любил об эльфах распространяться, потому что они одни - единственные среди волшебных существ, окружавших нас, не были покорны его воле. А во-вторых, он слишком любил всякого рода тайны, чтобы откровенничать с нами.

Наши вопросы об эльфах всегда только сердили его. Наверное, потому, что ему вечно не терпелось всех прибрать к своим рукам, а эльфы не поддавались, и мы напоминали ему об этом. Не потому ли он воевал в своё время с великанами и в конце концов победил их и уже много лет вёл непрерывную войну с карликами, что он не мог сосуществовать в одной стране с непокорными и непокоренными?

А с какой охотой сражался он с мухами, которые, как и любые существа, не обладавшие разумом и волей, столько пакостили нам, были так безмерно надоедливы и наглы! Сколько раз, бывало, они лишали нас завтраков, обедов и ужинов! Потому что налетали всякий раз на запах нашей горячей пищи и силою отбирали её.

Вёл дядя долгую и упорную войну и с пауками. Пауки были особенно опасны. Громадные, как и мухи, они сначала помогли нам отлавливать их, так как питались их кровью. А затем, когда мухи были все до одной переловлены, они принялись и за нас. И мы, случалось, неоднократно просыпались уже надсаженными на паутину. Пауки без труда спускались к нам на Диван по скалам ночью, потому что были замечательными верхолазами, и умудрялись, не разбудив нас, так незаметно опутать путиной наши постели, что мы оказывались в коконе. Вот отчего у меня с детских лет сложилась привычка носить с собою нож. Ибо только ножом и оставалось кромсать на куски липкую ловчую сеть.

И надо заметить: то была война далеко не бесславная. Мы наконец оттеснили пауков куда-то за пределы страны. И только оставленная ими кое-где запыленная паутина напоминала нам сейчас об их былом соседстве. Да иногда дядя с гордостью вспоминал: "Власть моя в Давии поистине безгранична. Мне удалось заставить убраться из страны даже пауков! А что может быть в мире безобразнее их?"

А вот эльфы вечно прятались от дяди... Они на нас не нападали, ничем не грозили, не предъявляли ультиматумов...

Дядя говорил, что они ведут ночной образ жизни, поэтому, мол, мы их и не видим. Возможно, и так. Они выбираются из своего захолустья, но в те часы, когда мы спим и видим сны.

Поэтому, несколько побаиваясь встречи с неизведанным, я вышел в путь ещё засветло, когда, по моим расчетам, эльфы спали.

От нетерпения поскорее раздобыть живую воду я решил даже не завтракать, но дядя настоял, чтобы я поел.

Я же говорил вам, что в нём были и хорошие, и плохие черты. Называя его “злым человеком”, я имел в виду даже не его характер. Хотя характер его не был сахарным - дядя часто раздражался, не терпел в нас своеволия и всё старался держать под своим контролем. Нет, если я любил некогда дядю, значит, его было за что и полюбить. Его проблема состояла не в том, что он был человеком, как говорится “серединка на половинку”. А лишь в том, что дядя мог легко использовать другого человека себе на пользу, а человеку во вред, и не совестился при этом.

В чём это проявлялось? А вот в чём, например. Он ничего не делал бескорыстно. У него была специальная тетрадка, в которую он, как рассказывал Лепетайло, всегда записывал свои добрые дела. “Назвал Грушу милашкой. Она должна ответить мне тем же. Иначе не потерплю!” Или: “Сегодня положил детям в чай вместо двух по три чайные ложки сахара. Я безмерно добрый человек. За это они обязаны будут три дня скрести, чистоты и меня ради, землю в моём Кабинете. От души радуюсь своему сегодняшнему совершенству”. Или: “Справил Бурому новые ботинки. Если он нынче же за обедом не назовёт меня лучшим человеком на свете белом, ботинки отберу!”

На дядю часто находил стих лести, и тогда он налево и направо расточал нам, детям, комплименты, поверите ли - кидался нам на шею и начинал целовать нас и тискать. В такие минуты можно было даже о чём-нибудь попросить его, и он, казалось, от души брался делать добрые дела. Но его хватало не надолго. Уже через час он начинал сердито высчитывать про себя размеры принесённой нам жертвы и вскоре вообще прекращал свою благотворительность. Или же громко и обиженно требовал отдачи.

Он был, разумеется, человеком настроения. Но самое ужасное, что даже в самые благодные минуты, когда он позволял себе разделить с нами какую-нибудь мелкую радость жизни, он не нуждался в... том, чтобы его любили.

Сначала и довольно долго я пребывал в наивном убеждении, что наша, детская, привязанность нужна дяде, как и любому человеку. Ведь и Груше нравилось, что я люблю её, и Бурому, что мы с ним дружим, и Лепетайло от души радовался, когда я гладил его по спинке и даже требовал, чтобы мы ласкали его...

Дяде нужно было другое. Не любя никого из нас, как я понимаю это теперь, он поддерживал в нас лишь видимость внешних, ровных отношений, дабы своими обидами и претензиями к нему мы не нарушали никаких его

тайных планов. Ему нужно было лишь одно спокойствие души как важное условие достижения тех целей, о которых мы понятия не имели.

Он жил двойной жизнью, я вижу это ныне, по достижению моих четырнадцати лет. А это возраст зрелости для любого лилипута, вроде меня - я слышал, что лилипуты долго не живут. Внутренний, скрытый человек в нём алчно желал хорошо, с максимальной выгодой для себя устроиться в жизни, в Давии. Внешний человек всё делал для того, чтобы мы ничего не узнали о внутреннем.

И дядя без конца был мучим тем, что один человек боролся в нём с другим, видимый - хороший с внутренним плохим, потому что и он умел различить свет от тьмы в самом себе. Но внутренний человек в конце этого борения всегда одерживал верх. А потом, должно быть, победил дядю окончательно. Только тогда мы и начали замечать все разом, что дядя стал неузнаваемо безобразен. Превратился в злодея.

Но когда я шёл в тот день к эльфам, я ещё нёс в себе ясную, светлую надежду на то, что болезнь его пройдёт. Стоит только добыть живой воды. Ведь её и на дядю можно было бы в небольшом количестве пролить.

А в воду живую я верил. Хотя бы потому, что каждый раз, когда дядя пил крепкий свежесваренный чай, он чмокал языком и, радостно блестя глазами, говорил: “Словно пью воду живую! Силы-то даёт - уйма!” И в этот момент я тоже любил дядю, потому что жил его добрыми ощущениями.

Я только не понимал: откуда у эльфов вода живая. Но очень надеялся на то, что, когда они узнают, зачем она была нужна мне, отдадут её даром.

И вот я спустился в Центральную долину. Из оружия я ничего не взял. Ведь я шёл не отвоёвывать, а попросить. И всю дорогу до Шкафа я ломал голову: как эта вода могла выглядеть? Как я её узнаю? Не обманут ли меня эльфы?

Я уже почти дошёл до горы эльфов, когда в меня вдруг полетела откуда-то сверху целая груда бумажных комочков, скатанных в такие тугие ядра, что несколько из них, обрушившись на меня сверху, сбили с ног!

Я понял, что меня обстреляли эльфы, лишь когда услышал издали их издевательский, тонкий, ехидный смех. Они явно выставляли на день сторожей, так как не желали, чтобы какой-нибудь чужак подобрался к их крепости незаметно и захватил их врасплох.

Мне не осталось ничего иного, как продемонстрировать им, что я иду с миром. Я встал среди нарисованной травы и цветов, сначала приветливо помахал им, невидимым, рукой. А потом и похлопал себе по карманам, приминая их, дабы показать, что я не вооружен. Но когда я попытался подняться, я вновь ощутил на своих плечах и голове свалившиеся бумажные шарики. Меня опять обстреляли. Я рассердился и, решив последовать дядиному совету, то есть не быть тряпкой, отомстить обидчикам. Я схватил с земли один шарик и хотел уже запустить его в эльфов - я уже говорил, что во время войны с мухами великолепно овладел способом выдувать из полой трубки стальные иглы, поэтому мог и оплевать маленьких дурачков, стоило

наделать шариков поменьше, - как решил не торопиться, подождать, пока голова хотя бы одного эльфа свесится со Шкафа.

Совершенно машинально я развернул один бумажный снаряд. Потом, заинтересовавшись, - другой. Бумага была обыкновенной, белой, только листы огромными - каждый вроде простыни. Таких больших не было даже в дядиной Записной Книжке. Где только эльфы взяли их?

Но когда я рассмотрел эти простынки со всех сторон, я оторопел. На каждой из них стояли уже знакомые мне, но всё ещё загадочные цифры: "120. 43. 25"!

Итак, пересмешники - эльфы явно давали мне понять, что они в курсе как моих ночных тайн, так и тайн моего дяди.

Значит, они тщательно наблюдали за нашим с дядей противоборством со своего Шкафа. Так выходило? Вот только зачем? Из обыкновенного любопытства?..

В досаде отодвинул я от себя развернутую бумажную простыню, все своим видом показывая наблюдавшим за мной, что я презираю их занятия подглядывания и подсматривания.

Хотел сделать новый шаг к Шкафу, как на меня обрушился просто град новых здоровенных бумажек. Только эта партия была сероватого цвета. Листки оказались поменьше, и на них было что-то отпечатано ровными строгими человеческими буквами.

Напрасно, эльфы смеялись надо мной, напрасно задевали и подзадоривали меня. Я не мог прочесть ни слова! Если они, конечно, этого от меня добивались.

И вдруг на одной такой бумажке я неожиданно увидел ... портрет того самого мальчика - великана, который я обнаружил не так давно в соседней стране. О, бог Люстра! Во мне всё замерло. Они и об этом знали? Что они мне хотели подсказать? Но сие их открытие ничего мне не открывало! При чём тут совершенно чужой мальчик?

Но я удивился ещё больше, когда возле одной из картинок, опять изображавшей этого мальчика, я обнаружил уже известные мне цифры! Создавалось впечатление, что кто-то специально отпечатал на бумаге фотографию ребёнка и сообщил его рост, вес и прочие приметы: размер ноги, например, - для того, может быть, чтобы отыскать его, заблудившегося.

Бедный мальчик - великан! Вот, значит, почему была пуста та страна, что по соседству с Давией и страной моего милого Волшебника? Вот почему там не валялось ничего, кроме десятка трупов, то есть игрушек.

Его искали!... Кто?... Возможно, его папа и мама, а возможно, иные родственники.

Я даже о том подумал, не напоминает ли мне лицо мальчугана - великана того, другого мальчика, лилипута, что жил некогда в Давии, маленького очкарика?

Нет, не похоже.

Так зачем же эльфы издевались надо мной? Они в одно и то же время словно бы хотели дать мне понять, что в курсе моих дел, и при этом ничего не желали объяснить. И даже не разрешали к себе приблизиться.

И тогда я решил их обмануть. Я знал, что внутри этой горы есть потайные ходы, прорытые, вероятно, ещё нашими предками. Так, по крайней мере, объяснял мне дядя накануне моего похода.

Он очень заботливо рассказал мне о том, что старая гора давно треснула и покосилась, потому что её некогда подточили жучки - древоеды. Вот я и могу воспользоваться этими трещинами, как ступенями. Правда, чтобы подняться по ним, требовалось известное мужество небоязни высоты. А высоты я никогда не боялся.

Когда эльфы со своей вышки заметили, что я быстро перекатился под Шкаф, они засвистели от досады. Здесь они не могли донимать меня своими бумажными комками.

Посвистев, хулиганы тоже затаились. Должно быть, им была очень интересна затеянная ими игра и то, что предприму я дальше.

Я схватился руками за выступ горы и, подтянув тело, быстро проскользнул в щель, оказавшись у самой стены. Теперь я мог подниматься, но решил обождать: не швырнут ли эльфы в меня ещё чего-нибудь. Например, нечто, что могло бы мне объяснить: что светилось той ночью, когда погиб Бурый, в лаборатории моего дяди. В колбе.

И эльфы действительно опять что-то с хохотом сбросили на меня сверху, стараясь попасть мне по черепу. Если бы я стоял уже на деревянной ступеньке из лестницы трещин, то наверняка бы рухнул вниз и поломал себе кости.

Так что я не напрасно осторожничал. Я подвинул себе ногой то, что только что пролетело мимо меня, и ужаснулся: это была высушенная голова паука!

Я вздрогнул всем телом, что опять вызвало прилив смеха эльфов. Злые существа! Теперь я начинал понимать, почему они, располагая дядиными тайнами, не предупредили меня вовремя об опасности, грозившей Живульке и Бурому. Есть разные жизненные позиции. Мой дядя, например, был существом деятельным. А есть сторонние наблюдатели. Таким всё в ранней степени интересно: и то, как человек погибает, и то, как он выживает. Они никогда не придут к вам на помощь. Такими были наши зашкафные эльфы.

Но я успел уже оглядеться и понять, что у меня есть ещё один путь наверх. Я мог подниматься не только по внешним трещинам Шкафа, но и, при желании, по внутренним. Это были одни и те же трещины. Но только у них было как бы две стороны.

Однако едва я шевельнулся, как на меня свалилось ещё несколько паучьих голов! Одна из них больно ударила меня в плечевую кость и свалила наземь. Эта голова была словно обсосанной и представляла собой совершенно голую черепушку, вроде моей.

И тут меня взяло сомнение. А что, если дядя ошибался, и это не он расправился с пауками, а эльфы? Что если дядя напрасно гордился своим всевластием?

Но тогда вполне могло статься, что и тех двоих взрослых людей, что я нашёл в Записной Книжке дяди, тоже убил не он, а... эльфы? Неужели эльфы?.. Меня объял страх.

Так куда, к кому посылал меня дядя? И за помощью ли?.. Мне стало не по себе.

Что только творится в моём собственном королевстве! Хорош же я как правитель! Ну, почему, скажите мне на милость, я не могу приказать этим гадким эльфам и моему собственному дяде стать хорошими?

И зачем тогда вообще существуют на свете белом правители, если от них практически не зависит самое главное: то - добры и милосердны ли обыватели в их государствах?

Это был тяжёлый вопрос. И я не знал, как на него ответить. Я видел лишь одно, что жители моей страны руководствуются, главным образом, только своею выгодой. Дядя желал управлять Давией вместо меня и управлял, попирая мои права наследного принца.

Карлики хотели воевать и воевали. Эльфов развлекало убийство... Все жили кто в лес, кто по дрова. Что же должен был сделать я, чтобы наконец МЕНЯ все послушались?

Вот когда я чуть не заплакал из-за того, что у меня не было отца и матери. Раньше я думал, что они нужны мне только для того, чтобы они жалели меня. А теперь я хотел обрести в их лице наставников. Нельзя было стать хорошим императором, не имея перед глазами чужого опыта. Идти же путём проб и ошибок я не мог. По крайней мере, жизнь, будущее ещё трех живых существ напрямую зависели от меня: Лепетайло, Понуры и Живульки, и тут нельзя было экспериментировать!

И эти три моих последних поданных не должны были пропадать в жизни вместе со мной!

И вдруг нечто необычное пришло мне в голову. Я подумал: а не у эльфов ли Живулька? Ведь у меня не было, по сути, никаких доказательств того, что её прятал дядя. А кто тогда мог стонать во теснине горы? Да кто угодно! Например, ветер, по просьбе моего дяди - колдуна.

Я встрепенулся и с новыми силами полез вверх. Только на этот раз внутри горы.

Этот прилив сил ещё раз навёл меня на мысль, что человеческая жизнь на девяносто процентов состоит из наших предположений и догадок и лишь на десять из знания истины и самих наших поступков.

Мне ничего не стоило проскочить в узкую щель. И мне открылась громадная кубическая пещера. Здесь было темно. И всё равно я разглядел, что на полу пещеры рядами стоят... громадные запыленные ботинки. Ботинки великанов! Величественная обувь! Ничего себе! Я подошёл поближе и провёл рукою по холодным носкам. И тут меня опять словно молния пронзила: обувь из Прихожей? Значит, эльфы утащили и съели ещё и парочку - другую великанов?!

О, ужас! О, дядя! Знал ли ты это, когда посылал меня к прозорливым троглодитам!? Наверное, не знал. Но я недолго предавался удивлению и

вопросам и опять рванул вверх, по трещинам. Всё равно - я должен, должен добраться до эльфов и попросить у них живой воды! Ради моих друзей! Погибать, так с музыкой!

Я ставил ноги, проверял: прочно ли они стоят, - подтягивался на руках, а сам всё повторял: “Погибать, так с музыкой!” Но почему погибать, вдруг задумался я. Честно говоря, в последние минуты что-то будто бы надломилось во мне. Дядя, эльфы... Не слишком ли много чудовищ для одной маленькой страны? Я начинал понимать, что, если мир действительно плох и мне не под силам будет переделать его, в таком мне и придётся в конце концов жить! Неужели?!... Неужели мне не по силам будет сделать жизнь в Давии безопасной и счастливой?...

Достигнув, наконец, потолка этой пещеры, я просунул тело в щель и очутился в другой камере, что располагалась над первой.

И тут... и тут лежали беспорядочной кучей какие-то вещи. Должно быть, вещи съеденных эльфами великанов. Их громадные свёрнутые рубашки и штаны.

Но меня поразило не это. А копошащаяся в вещах куча насекомых. Это были сравнительно небольшие бежевые бабочки моли и их чада - юркие червячки. Отвратительные и толстые, каждый с половину моего тела, они лихо, жадно поглядывая друг на друга и на своих мамаш, обгрызали шерстяной воротник какой-то кофточки.

Сначала мне показалось, что мне это мерещится. Но когда одна из молей вдруг заметила меня, подняла голову и свистнула остальным: “Смотрите, новенький костюмчик пришёл!”, я невольно попятился. В её голосе мне послышалась неприязнь и даже враждебность.

Моль не замечали во мне меня! Они видели лишь то, что было на мне надето!

Я хотел закричать им: “Не смей приближаться! Я особа королевской крови!” Но по их хищно заблестевшим сухим блеском глазам, я понял, что они не признают во мне человека. Я был просто костюм ходячий. Они даже не способны были оценить, как им повезло, что в их мрачные катакомбы спустилась столь высокая и светлая личность!

Мигом накинудись на меня четверо из них. И шерстяной костюм мой затрещал по швам. Ещё миг - и его не стало!

Хорошо, что мне нечего было стыдиться. Одни кости белые и гладкие!

И всё равно я был унижен этими бабочками и червяками, потому, что они, ровно как и дядя, не увидели во мне человека!

Оставшись раздетым, кинулся я по трещинам наверх и дальше, на третий этаж мрачной крепости Шкафа.

Но и то, что встретило меня тут, не послужило мне утешением. Ни почёта, ни уважения, ни простой обывательской любезности!

В пещере группами стояли какие-то жуки. Похоже, это были рыжие и черные тараканы. Каждый из них был почти на голову меня выше! Они ничего не делали, ничего не говорили, но сама по себе их поза - стоять молча, замерев, содержала в себе что-то угрожающее. Рослые плоские жуки с длинными усами

и крупными, выдвинутыми вперед челюстями напоминали покойников. Не сразу разглядел я, что одни из них монотонно раскачивались. Другие медленно и молча менялись местами.

Казалось, все они чего-то ждут. В их трепетных движениях иногда чудилось нетерпение. Но, взглянув на застывшего жоака, который выделялся тем, что был крупнее и держался всех угрюмее и независимее, а потому в моих глазах и мертвеннее, более мелкие жучки подобострастно примолкали и замирали похолодевшими трупами.

- Чего они все ждут? - Спросил я у одной жучихи, сидевшей в потемках на завалинке.

- Они не ждут! - она равнодушно пожала плечами.

- А что же они делают? - наивно спросил я.

- Поели и теперь общаются! А чего же им ещё делать, после того, как они поедят? Только общаться! - Проворчала жучиха, поглядывая на меня уже с подозрением.

Ей видно только что, запоздало пришло в голову, что я чужак. Долго же она соображала. И жучиха занялась тем, что принялась угрюмо и пристально меня рассматривать. Долго же она меня рассматривала!

Я не понимал, как можно было жить, общаться, не задавая вопросов, ничему не удивляясь и ничем не восхищаясь? Нет, всё-таки этот, внутришкафный мир меня ничем порадовать не мог. И я даже не радовался ему, что открыл его для себя. И это тоже - моя страна?..

В конце концов, мне стало и грустно, и скучно, да и жучиха уже подала своим сигнал: "Смотрите! Чужой! Наверное, пообщаться пришёл!" Потом она крикнула: "А впрочем, с чужими мы в одной компании не молчим!"

Я хотел и ей возразить, что я не чужой, я их принц, но по тому, как наконец угрюмые жуки двинулись в мою сторону, понял, что они, видать, только меня и ждали. Лет десять или пятнадцать, может быть. Они стояли все эти годы, молчали и переминались с ноги на ногу - ждали момента, когда можно было потратить свою накопленную силу на изгнание чужака. Чтобы он с ними, дурачок этакий, больше никогда не общался.

Страшный мир! Страшный мир! Я даже не верил своим глазам, что такое бывает!

Снять с меня было, конечно, нечего. Но мне можно было переломать мои нежные косточки. Да, по сравнению с молью и тараканами, мои друзья: Лепетайло, Бурый, и даже Понура - казались просто богоподобными интеллектуалами! И я решил снова спастись бегством.

Да, принц бежал от своих подданных! Правда, я подозревал, что моё присутствие в их жизни мало что меняло к лучшему.

И я ретировался.

Но и следующий этаж в этой пещерной этажерке внутри Шкафа изумил меня не менее! Я вдруг обнаружил на нём пропавших много лет назад пауков. И так, их съели не эльфы! Нет! Они сидели, полулежали, стояли кругом перед разложенными игральными костями. Но при этом были сухими и мёртвыми. Кажется, они просто сдохли от скуки!

И я громко расхохотался в пустой пещере.

Здесь, в Шкафу были, конечно, живые, но совсем не было жизни!

И как ни было до этого скучно моё существование в долине, жизнь - со всеми её возвышенными заблуждениями, идеальными устремлениями, трогательным обманом, преданностью в любви и дружеским самопожертвованием, с борьбой самых разных умов - оказывается, была только там, в нашей долине, вокруг человека и человекоподобных!

Жизнь лежала в Давии тонким слоем неверного нежного тумана. Несколько человек, всего несколько человек - вот что такое жизнь, оказывается!

И из мрака пещер горы Шкафа даже дядя показался мне теперь кем-то дорогим и понятным! Да, он был злодеем! Но он был человеком, не пауком, не молью, ни тараканом. И уже потому чрезвычайно дорог мне и близок! Я говорил с ним на одном языке. И, значит, у меня всё ещё оставался шанс заставить его заплакать, как пела Живулька в своей песне.

Не помню уже, как и выбрался на ровную поверхность горы Шкаф.

Что-то явно помутилось в моей голове за время моего восхождения. Жар у меня, что ли начался?

Там, в долине, я всё томился печалью скуки. И вот вдруг узнал и увидел я так много в течение всего одного часа, и оказалось, что знания способны свети меня с ума!

Я упал. Должно быть, не всё в жизни надо познавать человеку. А только то, что ему на благо! Не знаю, сколько лежал я на верху Шкафа в таком состоянии, словно у моих костей поднялась высокая температура.

Как сквозь пелену, увидел я наконец три черные фигуры в плащах с капюшонами. Они показались мне живым воплощениям зла, и я закричал: "Прочь! Прочь! Демоны!"

- Он устал, - сказал один из тех, кто нашёл меня, должно быть. - Это сказали мне мои вещие угли.

- Нет, он сошёл с ума, как и надеялся его дядя, это донесли до меня мои разведчики, - откликнулся другой. - В пустых пещерах горы ему привиделись отвратительные призраки пауков и жуков!

- Вы совершенно правы, коллега, но вместе с тем правы не вполне! Дядя налил в шапку - ведро принца чернил и окрасил его ум и жизненные ощущения в самые мрачные тона! - Ответил третий. - Это вскоре пройдёт! Мне это подсказали мои гадальные карты!

- Кто его дядя, коллега? - Проблеял самый старший из подошедших ко мне.

- Колдун. А это принц. Правда, он голый. Поэтому его трудно узнать.

- Колдун должен колдовать.

- Вот он и колдует. Себе во благо, принцу во вред!

Я с трудом силился разглядеть, чьи фигурки скрываются под капюшонами. Но не мог этого сделать. Потому что существа держали в руках какой-то источник света, который высвечивал мой скелет, но оставлял в тени

их лица. Одно мне становилось ясно: голоса этих старичков были вполне добры. Значит, едва ли то эльфы - пересмешники.

- Так помешайте его дяде мудровать над ведром! - Отдал кто-то распоряжение.

- Слушаюсь! - был ответ. И я очень скоро увидел, как один из капюшонников взнуздal коня, очень похожего на обыкновенного кровопийцу - комара.

Впрочем, со мной и впрямь творилось что-то ненормальное. Потому что сначала почудилось, что комара привели специально для того, чтобы он выпил из меня кровь.

Я испугался и, как в бреду, слабо и безвольно замахал руками.

И только когда комар со всадником взлетели, и через некоторое время я услышал откуда-то снизу дикий крик моего дяди: "О, негодяй! Отдай ведро! Куда ты его тащишь?", я начал ощущать, что мои тошнота и головная боль отступают.

Вскоре и перед глазами прояснилось. Видимо, пришёл конец очередному дядиному чародейству, суть которого состояла в том, что, наливая в мою шапку чёрных чернил, он затемнял тем самым и мой рассудок. Так неужели на этот раз дядя хотел свести меня с ума?!

Я был ещё слишком слабым, чтобы думать о дяде так плохо.

Меня с осторожностью подняли и поставили на ноги. И только теперь я понял, что встретился с рыжими домашними муравьишками, каждый из которых был мне по пояс.

- Кто вы? - Спросил я.

- Эльфы! - Усмехнулся один из них.

Глава 10. Новое коварство дяди.

Я не спеша оглядывался.

Мне вдруг пришло в голову, что если муравьишки только что спасли меня от помешательства, я у друзей.

Я уже не помнил, как они шутили со мной, когда я находился на подступах к горе Шкафу. Видите ли, я всё-таки был скелетом не злопамятным и быстро забывал нанесённые мне обиды. Хорошо ли это? Не знаю. Однако решив, что эльфы мне совсем не опасны, я позабыл всякую осторожность.

И не случайно. Меня совершенно очаровало место, куда я, наконец, добрался.

Гладкая сумеречная и ровная поверхность расстилалась передо мной на многие и многие сотни шагов. Но она не была застывшей. Легкий ветерок гулял по этим просторам, то пригибая, то распрямляя серую растительность, похожую то ли на сухие, нежные и тонкие водоросли, то ли на губки очень сложной структуры. Это была пыль, но не скатанная в метеорные шары, грязный рваный войлок, и не примятая, прибитая к здешней земле ногами. Это была, если так можно выразиться, девственная первозданная пыль, которая росла в этих краях постепенно, на протяжении десятка лет, стройными слоями, между которыми было много воздуха, и поэтому она сохранила весьма сложную, многоэтажную структуру. Серебряная, она дышала как живая.

Восхитительное зрелище!

Раньше я летал на плотных пылевых шарах, а теперь я мог видеть собственными глазами, как они зарождались!

Пыль словно вытягивалась из земли, росла, до того была высока. Я бы просто утонул в ней. Сплетаясь тонкими ножками, вся эта серебристая масса представляла собой не только мягкое, но и живое. Будто бы даже мыслящее, которое очень медленно и не заметно для глаз передвигалось к краю горного плато на поверхности Шкафа. Её гнал сквозняк. И приходила минута, когда кусок нетронутого человеком и эльфами поля оказывался на краю и, отваливаясь, начинал планировать вниз, постепенно преобразуясь в крутящиеся комья новых метеоритов.

Как бы ни был я утомлён, я наслаждался новыми оттенками загадочного пепельно-серебристого цвета, видом фантастически переплетенных волоконцев. И в этом приступе неожиданного счастья душа моя отдыхала.

Тут же я подумал: “Вот почему ещё Живулька так любила всюду в Давии лазить. Мир кажется обновленным, когда просто откроешь его для себя с неожиданной стороны. И вот почему Лепетайло так любит повторять: “Природа лечит!”

Когда в твоей стране нет настоящих живых цветов и всего два дерева, может лечит и пыль.

Не спрашивая разрешения у эльфов, которые молча рассматривали меня из-под нависавших над острой грудкой капюшонов, я поспешил к краю Шкафа. Мне хотелось с высоты, почти из-под самого неба, посмотреть на мою

Родину. И я вновь был потрясён и очарован. Да, стоило забраться на Шкаф, чтобы однажды вскрикнуть: “Как ты прекрасна, Давия!”

Долина казалась отсюда иной, маленькой, миниатюрной, какую можно положить к себе в карман. А Диван, горы Стол, Кресло, Тумбочка, Сервант, Книжный Шкаф, Полки - далёкими и до слёз уютными. Дядя со злым лицом смотрел на меня снизу, задрал голову, карлики махали мне платками, будто бы я отправился в далёкое плавание, из Прихожей с любопытством выглядывали великаны. А я стоял на самом краю Шкафа и мне казалось парил. Нет, на такую головокружительную высоту никогда не поднимали меня метеориты!

Потом я повернулся лицом к плато. И сразу понял, что общество эльфов вовсе не было однородным. Они жили на окраине моего государства и, хотя по законам считались моими подданными, представляли собой как бы свой собственный, Малый народ в Большом народе долине.

Конечно, это было весьма условное деление. Потому что Большой народ на самом деле состоял всего из четверых - меня, дяди, Понуры и Лепетайло. А Малый был куда более многочисленным.

Большая часть рыжих муравьишек, похоже, считалась рабочими. Они не носили одежды, бегали на шести лапках и, снуя туда - сюда, блестели голенькими телами. В поле пыли они бы утонули, поэтому они ныряли на самое дно этого моря и пробегали как бы по его дну, куда им следовало. Они-то как раз и не проявили ко мне особенного интереса.

Отдельно, в стороне, стояли муравьи избранные, они словно прятались под маленькими плащами колоколом.

А по краям плато Поверхности Шкафа через равное расстояние сидели в позе сторожевых собак те самые муравьи - наблюдатели и стражи, что кидали в меня бумагу. Я сердито оглядел их всех, и ближних и дальних.

Шкаф почти примыкал к скале за ним. Я пересёк плато и вдруг увидел, что рабочие муравьи спешили сюда не просто так. Тут шел обрыв. Казалось, муравьи бесстрашно ныряли вниз, но на самом деле они не падали. Видимо, их лапки были устроены так, что прилипали к скалам. Нырнув, эльфы перебежали на какую-то белую пупырчатую пластину, застрявшую некогда между Шкафом и белой скалой. Тут они устроили своё гнездо, которое было чем-то похоже на соты пчёл, которые я видел в книжке.

Сначала я не понял, чем муравьи были заняты именно здесь. А потом разглядел, что каждый из них что-то тащил в челюстях или на себе - либо корм, либо какую-то пылинку, чтобы окружить колыбели длинных продолговатых яиц теплом - отгородив их от сквозняков. Многочисленные яйца были закреплены между частыми ребрышками пластинки.

Некоторые же эльфы спешили дальше, на скалу и даже забегали на наше твёрдое небо. Твёрдое! Значит, правы были в своих представлениях наши предки, как рассказывал мне дядя!

И тут, в темном углу между краем неба и двумя сходящимися скалами, паслись резвые и тонконогие кони эльфов - серенькие комарики. Мне даже довелось увидеть, как один эльф рабочий взнуздal коня и куда-то на нём полетел. Но куда? Я проследил за его полётом. За матерчатую перегородку,

которая тянулась до Двух Деревьев. Со Шкафа было заметно, как она колебалась, должно быть, под влиянием сквозняка. Я вдруг подумал о том, что там возможно какое-то недостижимое для меня отверстие, что вело в страну Волшебника.

Кто-то тронул меня за локоть, я оглянулся. Это был один из эльфов, лицо которого было спрятано под колпаком его плаща.

- Ну, огляделся? - Спросил он меня не то что бы миролюбиво или ласково, но, по крайней мере, без угрозы в голосе. Скорее даже, с неким вниманием ко мне, что не могло не тронуть моего доверчивого сердца.

- У вас тут мило, - заметил я тоже приветливо.

- Мы привыкли, - ответил эльф сдержанно.

Странно, одни, выходило, радуются тому, что привыкли к чему -либо, а другие этому огорчаются?

- Хотя, - добавил муравьишка важно, - раньше мы имели куда больше свободы передвижения. Это твой дядя задвинул нас в область Шкафа.

- Когда это раньше? - Удивился я. - Сколько помню себя, вы всегда обитали в этих, мало доступных человеку местах.

Но эльф не стал вдаваться в подробности.

- Итак, - спросил он меня, - хотел бы я знать, что тебя сюда привело. Никогда прежде не поднимался ты на нашу гору, если уж называть обыкновенный Шкаф горой.

- Мой дядя, - кротко ответил я.

Эльф словно задумался.

- Дядя? Он никогда нас не жаловал! Обзывал прожорливой сворой!

- Какое безобразие! - вставил я.

- Удивительно ли, - продолжал рассуждать эльф, - что мы, правительство, весьма озадачены твоим визитом! Вы всё-таки - Ваше Высочество принц!

Слава Люстре, они помнили это!

- Дядя прислал меня за живой водой.

Низкорослый эльф изумленно хмыкнул и как будто оглядел меня со всех сторон.

- И ты согласен на это? - Был его вопрос.

- Разумеется. Но в свою очередь я хотел бы узнать: не держите ли вы в плену одну из моих подданных.

- Кто она?

- Живулька.

- Нет, наш милый принц. Нам совершенно точно известно, что она пребывает в Баре.

Они и вправду всё про нас знали. Сейчас это обнадежило меня.

- А вы не в курсе: что дядя делает там с Живулькой?

- Сушит!

Я так и думал!

- Хотя было бы лучше, если бы он отдал девочку нам.

Я не понял, что он хотел этим сказать, но дипломатично кивнул. А эльф продолжал:

- Да, многое нам известно, но наше дело помалкивать! - И он склонился передо мной в почтительном поклоне. - Ваш дядя жаловал бы нас ещё меньше, если бы мы болтали. Хотя по логике вещей, должно быть так: кто владеет истиной, тот и царствует!

- Вы хотите сказать, что имеете право на мой трон? - нахмурился я.

- Теоретически да. Но практически он нам не доступен. Если бы не ваш дядя, который знает больше нас, Давия кишела бы муравьями!

- А что он знает из того, что вас сдерживает?

- Он колдун! Мы уже не раз пробовали спуститься вниз, в долину, и бесчисленно размножиться, но дядя всякий раз поджигал холодным огнём дорожки, которые прокладывали наши разведчики. Огонь перебивал наши запахи, мы теряли ориентацию и вынуждены были возвращаться!

Вот это да! А дядя ничего мне рассказывал! Выходит, он неоднократно спасал Давию от засилия этого упрямого Малого народа? Я же говорил, что моего дядюшку всё-таки было за что любить!

Однако гораздо больше меня интересовало: что знали эльфы о мальчике - великане и тех цифрах, что были рядом с его портретом. Если я сам буду просто полниться истиной, знаниями, то, скорее всего, смогу взять над дядей власть и остепенить, урезонить его.

Я предложил:

- Послушайте, господа! - Я обвёл внимательными глазницами всю компанию в плащах. - Вот уже несколько недель все только и строят вокруг меня намёки. Или же делают вид, что им известно что-то из моего прошлого, которого я не помню.

Я думаю, что карликам, великанам, Понуре и Лепетайло известны частицы какой-то большой и единой истины. Так не лучше ли будет, если мы объединимся и сведём воедино эти кусочки? Я чувствую, что все вокруг так или иначе хоть раз в жизни были обижены моим дядей. Помогите мне - дайте мне оружие против него!

Эльф ответил пространно:

- Мы и без того уже много лет объединены вынужденным соседством.

- Давайте договоримся!

- Это невозможно! На самом деле мы разные!

Я с жаром воскликнул:

- Но почему разные, если живём в общем государстве и говорим на едином языке - устном человеческом?

- Мы никогда не поймём друг друга.

- Почему?!

- У нас довольно разные вкусы, - пробурчал эльф. - Мы, муравьи, например, любим мясо и поклоняемся ему, а великаны вообще ничего не едят. И возникает вопрос - чему может поклоняться тот, у кого, как у них, нет даже своего лица? Нашему мясу? Но во-первых, мы им не позволим - мясо наше, и только наше, если мы его добыли!

- При чём здесь мясо? - вырвалось у меня, я сплеснул костями рук.

- Карлики же, - ревниво и завистливо продолжал эльф, - жрут всё подряд, что в них кидают. Они хорошо устроились! Сначала проглотят пищу, а потом вынут и сожрут по второму разу! Им не надо летать каждый вечер в чужую страну на охоту! Карлики вечно сыты. Они блаженствуют и процветают.

- А почему ничего не едят великаны?

- Дядя заметно облегчил их существование. Он забрал у них не только головы, но и желудки. Так что великаны тоже блаженствуют!

- Ну а вы?

Эльф развёл руками:

- А мы любим мясо!

Тут я не без содрогания вспомнил обсосанную голову паука, которую в меня метнули, и решился спросить:

- И часто вы его едите?

- В том-то и беда, что даже забыли, как оно выглядит! А прежде... Эх, что за времена были прежде! - И эльф не стерпел и предался мечтаниям: - Старые муравьи говорят, что их предки даже не успевали запоминать свою жертву в лицо. Как почуют запах свежего мяса, так и налетают гурьбой. Насыщаются, пока одни косточки не оставят. А кости что разглядывать? Бессмысленно спрашивать у них о том, какое имя носило некогда мясо.

Мне почему-то стало тревожно и не по себе. Я невольно окинул взглядом свои кости. А может быть, я вовсе не родился скелетом? Может быть, меня просто некогда съели эти муравьи? Ещё в колыбели обглодали? И тут одно нехорошее подозрение зашевелилось во мне. Я спросил:

- А почему ваши наблюдатели швыряли в меня бумажки с портретом мальчика? Помните? 120.43. 25?

Но эльф ловко ушёл от ответа.

- Это не моих рук дело!

И во мне ещё больше укрепилось подозрение, что портрет мальчика из соседней державы потому и был помещён в чёрную рамку, что сам мальчик пошёл на мясо этим прожорливым тварям. Я решил на всякий случай держаться среди них с осторожностью.

А эльф меж тем повёл меня зачем-то на угол плато, где находилось нечто вроде общественной муравьиной столовой.

- Закусишь? - Спросил он меня почему-то участливо. - Напоследок?

Я решил, что он собирается выдать мне порцию живой воды немедленно, а после этого сразу же отправить к дяде, и я сказал:

- Нет. Спасибо. Я плотно позавтракал. - Но потом меня проняло любопытство, и я решил, что, если уж я в гостях у эльфов, то должен, как любознательный правитель узнать о них как можно больше, и спросил - разумеется, не без королевской важности.

- А чем у вас принято кормить гостей?

- Рацион у нас обычный. - Просто рассказывал мой экскурсовод. - Яйца тараканов, червячки моли....

- Той, что живёт у вас в горе?

- Нет, тех, кого вы видели в пещерах, это уже их призраки... Призраки тех, кого мы давно пожрали. Мы, знаете ли, милосердно позволили им селиться на их собственных, то есть бывших, территориях. Обычно призраки не видны, но твой дядя наколдовал, и ты увидел их ясно.

Я позволил себе высказать одно сомнение:

- Да, но тараканы такие рослые и широкоплечие ребята!

- Зато нас больше, - скромно сказал муравей. - Каждый из нас в отдельности - так, мелочь пузатая. А вместе мы та самая сила, о которой говорят, что она и солому ломит!

Я поморщился, представляя себе кровожадную войну тараканов, моли и муравьёв. Но эльф угадал мои настроения и ответил так:

- Когда очень хочется мяса, о совести, забывают.

Я пожал плечами.

- Я тоже люблю мясо. Но это не значит, что я...

Эльф посмотрел на меня как-то странно.

- И мясо бывает совестливым, мой друг... Но мы уже пришли.

Так как я отказался следовать в общественную муравьиную столовую, то меня привели в другой угол. Здесь на плато лежала какая-то большая полу скомканная бумажка, размерами с палатку, под неё-то и затолкал меня эльф.

- Прошу вас...

Я оказался в полутемном помещении со сферической крышей, где на полу по-турецки сидели три эльфа в красных накидках и курили трубки из ножек тараканов. Тут только я и разглядел, что одежда была на них не нитяная, а кожаная. Красные накидки с черными точками были сооружены из крыльев, должно быть, съеденных некогда божьих коровок. Время от времени они залетали откуда-то в Давию. А белый плащ с капюшоном моего провожатого шит из дублёной кожи червячка моли.

- Прошу любить и жаловать, Ваше Высочество. Не стесняйтесь, располагайтесь...

- Кого? Кого я должен любить и жаловать? - растерялся я, протягивая руку какому-то эльфу. - Вы лицезреете самого принца, а сами даже не показываете мне своих лиц! Какая бестактность!

- Но если мы и покажем вам наши морды, - неохотно откликнулся один из сидящих, - это всё равно ничего не изменит в вашей жизни. И не надейтесь. Так что давайте не будем разводить лишние церемонии!

Меня насторожило это слово - "лишние". Я строго заметил:

- Между прочим, перед вами будущий король!

- Ели мы, однако, и королей! - Пробурчал эльф.

И всё же он послушался меня и показал мне из-под колпака свою страшную, громадную и продолговатую голову, с крепкими челюстями, похожую на голову лошади.

Впрочем, глазки у муравья были маленькие и словно слепые.

- Итак! - забубнил он, сунув голову в какую-то книгу, - рассматривается дело о выдаче живой воды. Сегодня, тридцать первого муровья сто мурвсадого года, к нам добровольно прибыл принц, Давский Скелетус Груша.

- Я не Груша, - заметил я. - Видите, я отломил черенок с листиком.

Но эльф словно не слушал меня.

- После заключения брака - Груша... Мы, представители Государственной Муравьиной Думе о мясе, автономии великих эльфов., - зачитал один из капюшонников, - озадачены дядей Его Высочества достать живую воду не откладывая. - Теперь вы, коллега.

И сидящий рядом с ним эльф достал свою книгу. Он стал водить лапкой по строчкам и повторять:

- "Скелетус", "Скелетус". Ага, вот оно, - вдруг произнёс эльф довольно. - "Человек", - прочитал он торжественно. - Так я и думал!

- И это всё, что у вас там обо мне написано? - искренне удивился я.

- А чего бы вы ещё хотели? - С подозрением уставился на меня холодными и слепыми глазами эльф.

- Ну, например, какой я человек... Хороший или плохой. Разве вам так уж безразличны качества вашего будущего императора?

- Нет, качество нам не безразлично.

Я с удовлетворением кивнул. В этот момент мне казалось, что я учу муравьев подлинной демократии. То есть учу их пристально вглядываться в своего руководителя и при надобности даже пожурить, покритиковать его.

- Ну, скажите мне, пожалуйста, - продолжал я с увлечением, - а что написано у вас о моём дяде?

Эльф опять уткнулся в свою книжку.

- Ну, что там у вас о нём написано?

- "Человек!" - Подтвердил эльф.

- А про Живульку? - стало мне любопытно.

- Тоже "Человек!"

- Но почему мы, из Центральной долины, все в ваших глазах такие одинаковые? - Поморщился я. - И что значит в вашем представлении человек?

- Человек - это "мясной".

- Это всё?

- Люди, конечно, бывают разные... Разного качества...

Я кивнул, поощряя эльфа продолжать.

- Толстые, помясистее. Качества повыше. И тонкие, покостлявее, качества пониже..

- И кто вам больше нравится?

- Те, что помясистее, конечно.

- А почему?!

- Потому что они добрые.

- Так... А что значит, "добрые"?

- Добрые это те, в ком больше мяса. Они потому и добрые, что больше мяса нам могу дать. Следовательно, тонкие позлее, потому, что в них меньше мяса.

Тут я даже рассердился, вырвал у эльфа его книгу:

- Что за дурацкие книжки вы читаете?

А в этой муравьиной энциклопедии под названием “Человек. Что мы, муравьи о нём знаем?” всего-то оказалось три листа! Я заставил эльфов сначала прочитать мне название книги. А потом и все остальное. Он и прочёл: “Дядя. Человек. Мясной”, “Живулька. Человек. Мясная”. В общем, они перечислили мне все имена жителей Давии. Эльфов, оказывается, даже не интересовало, что Бурый был плюшевым медведем! Он назывался у них “немясным человеком”, а кот Лепетайло - наоборот, “мясным нечеловеком”.

Ох и подивился я ограниченности муравьиного мирка и их кругозора! Затем неохотно заметил:

- А вы ещё хвалились, что ходите возле самой истины! А между тем, как мало вы знаете!

- Зато мы знаем главное! - Неприязненно отвечал мне один из эльфов. - Кто мясной, а кто нет. Подробности же нас не интересуют! В сущности нам даже всё равно - любит тебе дядя или нет. Нам важно, что он тебя к нам направил.

- Зачем же вы тогда за нами наблюдаете? - Удивился я.

- Должны ведь мы знать всё о передвижении нашего “мяса” из долины.

Ах, вот почему они были в курсе всех наших дел! Я едва не засмеялся вслух. Так только, про себя похихикал. Представляю теперь себе, каким образом они могли услышать все наши разговоры! Большие пещеры Шкафа создавали многократный эффект эха.

- Но я пришёл к вам за помощью, - напомнил я.

- А мы уже проголосовали, - обрадовано заявил один из эльфов. - Единогласно! Мы окажем поддержку вашему дяде!

Я тоже порадовался:

- Ну и слава Люстре!

Я уже нетерпеливо мечтал о той минуте, когда принесу дяде живой воды, и за это он откроет мне двери пещеры, в которой томила Живулька.

- Тогда приступим, - сказал один из эльфов и, достав откуда-то из кармана свою записную книжку, деловито взялся за карандаш. - Итак, слово за вами, уважаемый принц. Я хочу принять вашу заявку лично. Из особого предпочтения перед супом из одних костей. Какой смертью желаете умереть?

Я так и подскочил!

- Да вы чего?!

Думая, что я, наверное, недопонимаю муравьиного депутата, я молча уставился на моего провожатого. Но он кивком головы и благодушной улыбкой подтвердил, что я не ослышался. А эльфы продолжали на перебой спрашивать меня:

- Сбросить ли вас с большой высоты в кипяток?

- Или зажарить? Оливковое масло подойдёт?

- Нет, он всегда предпочитал подсолнечное, ароматизированное. Я его знаю!

- Подождите, подождите, корреги! Черовек сам в плаве выбилать! За ним всегда остаётся посреднее срово - по нашим, марым и автономным законам!

Что тут происходило?!

У меня округлились глазницы. Я был растерян и не понимал: бежать ли мне, спасая свою жизнь, или объясняться с эльфами дальше, доказывая им, что я пришёл к ним не как “мясо”, а за помощью.

На всякий случай я отступил от депутатов на два шага к выходу из шатра. И тут же услышал, что бумажная палатка окружена рабочими муравьями. Я выглянул из палатки. Эльфы нетерпеливо били о землю ложками и ножами. При этом они, конечно, даже не смотрели на меня. Им было всё равно: принц я им или не принц, правитель или нет, каково моё имя и о чём я мечтаю. Я был “человек” и поэтому меня надо было съесть.

- Пойдите, - испуганный напором недоброжелателей, я вдруг опомнился и поднял руку, обращаясь к осудившим меня на казнь. - Но ведь вы - всего на всего маленькие домашние рыжие муравьи! Вы любите мясо, но не едите человечину! Мне рассказывал дядя! Когда-то очень давно!

- Ты забываешь, мой мальчик, - мягко заметил мой провожатый, - что Давия не просто страна. Она заколдована! То есть изувечена дядиным колдовством! Мы не просто муравьи! Мы - муравьи - эльфы! И когда нам голодно, нам подходит и человечина!

Я неожиданно вспомнил:

- Но я скелет! - Впервые я обрадовался этому. - Во мне нет даже кожи!

Это ошеломило эльфов. Они перестали галдеть, и один из них кинулся в угол палатки к странному самодельному сооружению вроде тумбочки, чтобы выдернуть из него какую-то тетрадку. - Мигом разберёмся! - И он, надев очки, зашелестел страницами. - Нет, - он ткнул пальцем в какую-то строку, - в своё время наблюдатели донесли, что у принца при порезе потекла из пальца кровь. А если в тебе есть кровь, значит, есть и мясо!

- Мясо! Мясо! - загрохотали в страшном хохоте рабочие муравьи.

Я схватился за голову. Мне опять почудилось, что я схожу с ума. Значит, пока я рос, играл, как все дети, потом скучал, томился, влюблялся, женился и страдал, теряя друзей, эти со Шкафа по очереди наблюдали за мной в надежде когда-нибудь съесть?

Какие мерзкие создания! Зачем же они тогда защищали меня пол часа назад от дяди и его страшных чернил? Не хотели есть мясо бешеного скелета? Что-то слышал я о том, что и животные болеют бешенством...

И тут я вспомнил:

- Но позвольте! Ведь поначалу между нами речь шла совсем о другом! Я пришёл за живительной водой! И вы только что прочитали мне, что вы согласны!

Пересмешники захихикали, переглядываясь.

- Правильно! - Они закивали. - А что такое живая вода? Ты знаешь?

Здесь я должен был честно сознаться им, что я никогда его не видел.

- Живительная вода - это человеческая кровь, дорогой ты наш! - Объяснял мне мой экскурсовод. - Когда ты сказал мне, что согласен с решением дяди, я удивился! “Какое самопожертвование!”, - восхитился я. - Дядя захотел накормить нас, забывших вкус мяса, мясом своего племянника! Наконец-то он заметил, что и эльфы существуют на свете! Не только карлики

и его ручные великаны! Мы тоже хотим немного поблаженствовать. С набитыми желудками.” А потом я вспомнил: только сегодня утром ты ходил по Центральной долине и скорбел на всю страну: “Груша! Куда ушла ты во цвете лет?!”. Мы сами - свидетели твоего вдовьего отчаяния. Ты, видать, просто решил не жить, потеряв жену! Так что всё сходится!

- Да нет же! - закричал я в отчаянии. - Это дядя заставлял меня скорбеть! И потом, - я решил прибегнуть к военной хитрости, - раз вы обещали дяде живую воду, давайте я сам её принесу ему - в себе?

Но эльфы были слишком умны, чтобы я смог их обмануть. Они сомкнули вокруг меня кольцо, и кто-то из них решительно произнёс:

- Не беспокойся! Мы принесём немного твоей кровушки и дяде! Раз уж дали слово!

- Да нет же! - Постарался я перекричать стоявший на плато гвалт, - я не давал разрешения съесть меня! Я давал разрешение только... В общем, меня нагло обманули!

И вдруг всё смолкло. Я не понимал, почему муравьи молчат. Но в полной тишине стал постепенно сознавать всё, что здесь происходило. Если эльфы не шутили со мной - а они явно не шутили - значит, мой дядя, так и не решившись убить меня сам, всё-таки решил от меня избавиться, отдав меня эльфам.

Этот коварный человек всё никак не мог успокоиться и опять прибег к хитрости и лжи! Но это уже в последний раз! В последний раз я доверялся ему! В последний раз надеялся на его излечение!...

Но почему эльфы молчат? Почему они затаились?

Не понимая этого, я всё-таки обратился к депутатам Муравьиной Думы о мясе, умоляя их:

- О, милые эльфы, добрые мои подданные! Не оставьте своего несчастного обманутого принца без помощи! Дайте, дайте мне настоящую магическую воду жизни!... Я должен оживить сестру и друга.

Но эльфы, хотя почему-то и не спешили больше напасть на меня, решительно и сурово отрезали:

- Живительной водой не владеем! - Видно, эти были не из тех, кто жалеет поверженного и жалкого правителя.

Они собрались в кружок и довольно громким шепотом начали переговариваться. Некоторые слова долетали до меня:

- Дядя... Он тоже человек... мясной... Шило на мыло... Дядя даже выше и толще... Бульон... котлетки в сухариках... ножки... холодец... колбаса...

И наконец один из эльфов, словно боясь чего-то страшного и стремительно к нему приближавшегося, затараторил:

- Дорогой правитель! Дорогой правитель! Мы можем попробовать поступить и наоборот!

- Как это наоборот? - Слабым голосом спросил я.

- Достать живительную воду не из вас, а из... вашего проказливого дяди! Зачем оставлять его в живых? Он опасный заговорщик! И он гораздо умнее вас! Не знаю, поверите ли вы нам теперь, но слышали мы, что если полить кровью врага мёртвое тело друга, оно, якобы, оживёт!

- Я не могу! Это мой дядя!

- Но было время - он засушил родителей Живульки!

-...

- Было время - он выдернул из Бурого его пищалку!

-...

- И, наконец, вам известно, что сейчас в Баре он засушивает под прессом Живульку?

Сердце моё обливалось кровью, когда я слышал всё это.

- Так что если вы дадите своё согласие и поддержите наше начинание, - обратился ко мне другой эльф, - ваш дядя будет съеден нами сегодняшней же ночью! Нас много и мы - сила!

Но я упрямо качал головой. Проклятые равнодушные наблюдатели! Если бы они предупредили меня о готовящихся преступлениях вовремя!... Они бы не были совершены!... Знание истины помогло бы мне укрепить престол и спасти друзей!... Разве истина существует не для того, чтобы передавать её другим? Не для того, чтобы её знали все?!... Но я не мог пойти на подлый сговор с муравьями!

Всё это я выложил эльфам. Они оправдывались:

- Мы не из тех, кто помогает! Это вне сферы наших автономных интересов!

- Потому что в сфере ваших интересов одно мясо! - С негодованием и болью произнёс я.

- Но будьте к нам справедливы, - даже почему-то вдруг поклонился мне один эльф: только то мясо, что плохо лежит! Или то, что само, подобно вам, пришло к нам в руки...

И тут я понял, почему эльфы, эти маленькие полуслепые и очень жестокие существа, сменили в отношении меня гнев на милость!

Палатка внезапно поднялась в воздух! И я увидел в проходе большой нос моего кота Лепетайло!

Должно быть, услышав крики, доносившиеся в долину со Шкафа, он по своей привычке не спеша полез на Стол, потом на Книжный Шкаф. А потом мягко прыгнул и на Шкаф Бельевой. Наблюдатели не замедлили передать эту новость муравьиным депутатам.

Со слезами на глазах и смехом, застрявшим в горле, я увидел, как удирают от моего кота злые эльфы. Пусть их и было много, и всё-таки каждый из них по отдельности оставался трусом. Кот был раз в тысячу больше, крупнее меня. И не так -то просто было бы его опрокинуть и сожрать!

- Я понял, что тебе грозит беда, - промурлыкал мой ленивец, - когда поймал на лице твоего дяди злорадное выражение. Эльфы вопили на Шкафу, а дядя стоял внизу и с довольным видом почёсывал свой вытянутый подбородок.

Я летел, сидя на спине Лепетайло, вниз, на Диван и, знаете, был совершенно счастлив! И не только потому, что остался жить. Но и потому что котик опять дал мне понять, что является моим большим другом, потому что "знал меня раньше". Я так и спросил его:

- Ты спас меня потому, что ты “знал меня раньше”?
- И потому, что знаю тебя сейчас, - замурлыкал он. - Не могу сказать, что с годами ты меняешься в худшую сторону.

Однако к вечеру этого же дня я уже затосковал:

- Ах, если бы Волшебник помог мне освободить Живульку!!
- Какой Волшебник? - Покосился на меня Лепетайло. Мы лежали с ним на нарисованной траве.

- Тот, что живёт в дальних странах. Ты когда-нибудь бывал в них?

- Не помню, - откровенно произнёс котик. - Кошачья память короче человеческой.

- Это потому, что ты не развиваешь её! - сказал я. - Надо научиться читать! А ты только листаешь комиксы! Вот дядя всё и перепутал в твоей голове! То ты спасаешь меня от смерти, а то когтём ради меня не пошевелишь! Противоречивое создание!

- Видишь ли, - замаяукал, оправдываясь, Лепетайло. - Когда твой дядя начал править нашей страной вместо тебя, ты был ещё очень мал. Поэтому я старался служить не тебе, а твоему дяде. Я приспособился, как мог, чтобы время не шло даром. Чтобы быть счастливым хотя бы капельку! Я думал, что ты бы не смог защитить меня, если бы я восстал на дядю...

- А что теперь? - Я широко раскрыл свои глазницы. - Ты счастлив?

- Да, сегодня я вдруг почувствовал себя счастливым, - Лепетайло прищурился. - Когда понял, что ты, наконец, вырос.

- И что с того? - Спросил я надеждой.

- Ты восстановишь справедливость. Нельзя слишком долго жить с мыслью, что справедливость попорана. От таких мыслей или умирают или озлобляются.

- Но что я могу? - Произнёс я.

- Доказать дяде, что ты умнее. Ведь он потому и презирает тебя, мой мальчик, что он зазнался. Потому и вытирал о тебя свои грязные ноги...